

Именно в этом типе выявилась со всей полнотой мысль А. Платонова о постоянно живущей и движущейся духовности «простого [человека]». Как правило, далекий от мировой культуры, не прикоснувшийся к книжному опыту, платоновский герой несет духовность в самой своей природе, а питание получает эта духовность из постоянного увлечения героя работой, его таланта умельца, его отданности любимому ремеслу. Эта мысль «одухотворила» (используем любимое слово Платонова) все его творчество и, в частности, определила «сокровенную» сущность его любимых героев 20-х годов: Фомы Пухова («Сокровенный человек»), Филата («Ямская слобода»), Захара Павловича («Происхождение мастера»).

На протяжении многих лет работы Платонова в искусстве облик его «сокровенного человека» менялся, рождались новые его модификации. Одна из них — «душевный бедняк» из очерков начала 30-х годов («Че-че-о», «Впрок»). Другая — «одухотворенный человек» в творчестве писателя 30-х годов («Джан», «Фро», «Свежая вода из колодца»), военных и послевоенных лет («Одухотворенные люди», «Афродита» и др.).

В обращении к искусству Платонова определение «сокровенный» говорит о стремлении художника к обнаружению психобиологического глубинного существа — «тайного тайных» своего любимого героя.

«У человеческого сердца», — определил свою писательскую позицию А. Платонов. Одна из рецензий на сборник рассказов Вс. Иванова «Тайное тайных» (1927 г.) справедливо озаглавлена «Путь к человеку». Действительно, в середине 20-х годов на смену «событийности», лирической безудержности ивановских книг приходит углубленный психологизм. Специфическая «вековая» психология русского крестьянина в эти годы пристально исследуется не только Ивановым, но и К. Фединым («Мужики», «Трансвааль»), Л. Леоновым («Необыкновенные рассказы о мужиках»). Меня интересовала не социальная сторона явления, а биологическая, скрытая, интимная — сокровенность чувств хуторянина, цепкость его надежд, его ожидание сказки...», — писал в 1926 г. К. Федин³. Любопытно появление у Федина излюбленного платоновского слова «сокровенность», трактуемого как глубинная, скрытая и скрываемая особость.

В искусстве Платонова «видимость» и «сущность» героев не просто не совпадают, но часто с дальней, «стратегической» целью противопоставляются. Его герои обычно сначала предстают душевно заскорузлыми, сугубо прагматичными, мало способными на тонкие душевные движения. Их подлинное «тайное тайных» упрятано глубоко, почти, казалось бы, не проявляется вовне. Повесть «Сокровенный человек» открывается такой фразой: «Фома Пухов не одарен чувствительностью: он на гробе жены вареную колбасу резал, проголодавшись вследствие отсутствия хозяйки». Но в середине повести читаем: «Вспоминая усопшую жену, Пухов горевал о ней. Об этом он никогда никому не сообщал, *потому все действительно думали, что Пухов корявый человек и вареную колбасу на гробе резал. Так оно и было, но Пухов делал это не из похоти, а от голода.* Зато потом — чувствительность начинала мучить его, хотя горестное событие уже кончилось» (здесь и далее курсив мой — Е. К.). Платонов идет еще дальше, комментируя реакцию Пухова на смерть жены: он раскрывает непростое, даже противоречивое соединение в своем герое «философичности», позволяющей ему согласиться с преходящностью жизни людей и отдельного человека (пусть и своей жены), и обычной человеческой «открытости» горю и страданию: «Конечно, Пухов принимал во внимание силу мировых законов вещества и даже в смерти жены увидел их справедливость и примерную искренность. Его вполне радовала такая слаженность и гордая откровенность природы и доставляла сознанию большое удовольствие. Но *сердце его иногда тревожилось и трепетало от гибели родственного человека* и хотело жаловаться всей круговой поруке

³ Федин К. Собр. соч. в 9 томах. Т. 9. М., «Художественная литература», 1962, с. 293.